

Вольфганг
Акунов

СКАЗАНИЯ О ВОИНАХ- ЗВЕРЯХ

Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Вольфганг Акунов

Сказания о воинах-зверях

«Алетейя»

2021

УДК 94(368+48)
ББК 63.3(41)4-7

Акунов В. В.

Сказания о воинах-зверях / В. В. Акунов — «Алетейя»,
2021 — (Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма)

ISBN 978-5-00165-281-6

Воины-звери... Есть некая подсознательная притягательность в сказаниях об этих одержимых боевым безумием богатырях. Истоки их военно-колдовского искусства и магии оборотничества кроются в древнейших пластах религиозных верований и истории человечества. Кем они были? В чем заключался секрет их неуязвимости и непобедимости? Как и почему они превратились из элиты воинского сословия в социально-опасные элементы? Об этом вы узнаете из новой книги Вольфганга Акунова, выходящей в серии «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского Храма», ибо именно в среде древних воинов-зверей зародилось будущее рыцарство, чьим архетипом стали тамплиеры – рыцари Ордена бедных соратников Христа и Храма Соломонова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(368+48)

ББК 63.3(41)4-7

ISBN 978-5-00165-281-6

© Акунов В. В., 2021

© Алетейя, 2021

Содержание

От автора	6
Зачин. Сверхвоины эпохи викингов	9
Воины-звери: Легенды и действительность	9
С Одним и один в поле воин...	10
Упоение в бою...	12
Одержимые мухоморами?	14
Герои или «отморозки»?	16
Карл Густав Юнг и Водан – бог берсерков	18
О военном деле эпохи берсерков	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вольфганг Акунов

Сказания о воинах-зверях

© В. В. Акунов, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

* * *

Всем моим близким

От автора

*Древен мир. Он древней.
Плаци Одина как вретнице,
Ржа веков на железном мече.
Черный ворон Хугин,
Скорбной памяти детнице,
У него на плече.*

И. А. Бунин. Один

Представляя на суд уважаемых читателей настоящий сборник военно-исторических миниатюр о воинах-зверях, прошу учесть, что они были написаны в разное время, чем и объясняются некоторые встречающиеся в них повторы, за которые хотел бы заранее извиниться перед читателями, прежде чем пожелать им приятного и, надеюсь, полезного чтения.

Согласно сохранившимся в Исландии и дошедшим до наших дней сборникам норманнских мифов и сказаний – стихотворной «Старшей Эдде» и прозаической «Младшей Эдде» скальда Снорри Стурлуссона – богу воинов и мертвецов, вещему «Всеотцу» Одину служили два черных ворона – Хугин (Hugin, олицетворяющий силу интеллектуальной мысли) и Муин (Munin, олицетворяющий силу памяти, то есть интеллектуальной рефлексии), к чьим голосам «Всеотец» постоянно прислушивался, выведывая от них все более глубокие тайны. Говоря словами самого Одина (в «Речах Гримнира» из «Старшей Эдды»):

Хугин и Муин
Над миром все время
Летают без устали...

В течение дня черные вороны Одина облетали весь подлунный мир, после чего возвращались к престолу своего повелителя, садились ему на плечи и сообщали обо всем увиденном и услышанном за день. Любопытно, что континентальные германцы (в частности, немцы) даже после перехода в христианство сохранили эти представления, хотя и перенесли их (включая двух воронов-информаторов) на историческую личность – римско-германского императора-крестоносца Фридриха I Барбароссу (а порой и на внучатого племянника Барбароссы – Фридриха II Гогенштауфена). Император Фридрих спит до поры до времени беспробудным сном в некоем потаенном месте (чаще всего легенды помещают его в недра горы Киффгейзер в Тюрингии или вулкана Этна на Сицилии) со своими верными рыцарями, а два его черных ворона выполняют функции воронов Одина. Получив от воронов весть о том, что в Иерусалиме процвела наконец увядшая смоковница, проклятая Спасителем за то, что не дала доброго плода, император пробудится, выйдет из недр горы, восстановит Римскую империю, сразится с Антихристом, освободит Святой град Иерусалим, повесит на процветшей смоковнице свой меч и щит и вручит Вселенскую державу, вместе с короной и скипетром, Богу – своему Небесному Сеньору. Сходные легенды о Спящем Властелине существовали и у других народов (у французов – о Карле Великом, у британцев – о короле Артуре, у датчан – о Хольгере Датчанине, у русских – о Рюрике и т. д.)

В своем стихотворении «Один», последнюю строфу которого мы избрали в качестве эпиграфа, наш гениальный стихотворец И. А. Бунин допустил неточность (а возможно – просто поэтическую вольность), приписав черному ворону Хугину функции его брата-близнеца Мунина.

Волки-спутники Одина упоминаются в стихотворной «Старшей Эдде» и прозаической «Младшей Эдде», а также в скальдической поэзии.

В «Речах Гримнира» (одна из саг «Старшей Эдды»), стихе 19, говорится, что Один вкушает лишь вино, а всю остальную еду, что стоит у него на столе, он бросает двум волкам, лежащим у его ног:

Гери и Фреки
кормит воинственный
Ратей Отец;
но вкушает он сам
только вино,
доспехами блещущий.

Исследователь Михаэль Шпигель связывает имена волков – спутников Одина – Гери («Жадного») и Фреки («Прожорливого») с представлениями древних германцев, среди которых часто употреблялись «волчьи» имена, как, например: Вульфрок, Wulfhroc («Облаченный волком»); Вольфхетан, Wolfhetan («Волчья шкура»); Исангрим, Isangrim («Серая маска»); Вольфганг, Wolfgang («Движущийся как волк» или «Идущий за волком»)¹; Вольфдрегиль, Wolfdregil («Бегущий как волк»); Вульфолаик, Vulfoilaic («Танцующий с волками») и др.

Шпигель указывает на общегерманскую роль волчьего культа, который был в сжатой форме отображен в скандинавской мифологии и ослаб по мере христианизации Европы. Кроме того, он проводит параллели между Гери и Фреки и образами колдовских волков в других индоевропейских культурах. «В Индии периода Вед волк является животным-спутником Рудры, у греков – Аполлона, у римлян – Марса, у немцев – Вотана. Гери и Фреки – не просто животные, но мифические существа, воплощающие физическую мощь Вотана (Одина. – В. А.)».

Копье было выковано двумя кудесниками-кузнецами – карликами-свартальвами (черными альвами), сыновьями Ивальди (в некоторых источниках упоминается гном Двалин, введенный впоследствии Дж. Р. Толки(е)ном в его эпопею о Властелине Колец), чтобы показать богам мастерство подземного народа. Однажды Локи отрезал у Сив ее золотые волосы. Тор поймал Локи и хотел переломать ему все кости, но тот заверил разгневанного бога, что добудет новые золотые волосы для Сив у черных альвов. Сыновья Ивальди сделали такие волосы, а заодно изготовили волшебный корабль Скидбладнир (который можно было сложить, как платок и спрятать в карман) и копье Гунгнир. Затем Локи поспорил с альвом Брокком и его братом Эйтри, что Эйтри не выковать сокровищ, подобных тем, что были изготовлены сыновьями Ивальди. Эйтри выиграл спор, изготовив вепря по имени Гуллинбурсти, что значит «Золотая Щетина» (другое его имя – Страшный Клык), кольцо Драупнир и молот Мьелльнир. Корабль Скидбладнир и вепрь Золотая Щетина достались Фрейру, золотые волосы – Сив, Мьелльнир – Тору, кольцо Драупнир и копье Гунгнир – Одину. Гунгнир обладал волшебным свойством поражать любую цель, пробивая самые толстые щиты и панцири и разбивая на куски самые закаленные мечи:

«Тогда Локи отдал Одину копье Гунгнир, Тору – волосы для Сив, а Фрейру – корабль Скидбладнир. И он объяснил, в чем суть тех сокровищ: копье разит, не зная преграды; волосы, стоит приложить их к голове Сив, тотчас прирастут, а кораблю Скидбладниру, куда бы ни лежал его путь, всегда дует попутный ветер...»

Знаменитый меч героя Сигмунда (отца Сигурда Драконоубийцы) – Барнсток (затем после перековки получил имя Грам), рубящий даже камень, сломался о копье Одина, который, при-

¹ Смысл имени Вольфганг – «Имеющий всегда много мяса (остающегося от волчьей трапезы)».

няв вид человека в синем плаще (Один часто принимал такие обличья), пришел на поле битвы помочь конунгу Люнгни, сражавшемуся с Сигмундом и Эйлими:

«А когда продлился бой тот некое время, явился на поле том человек в нахлобученной шляпе и синем плаще; был он крив на один глаз, и в руке у него – копьё. Этот человек выступил навстречу Сигмунду-конунгу и замахнулся на него копьём. А когда Сигмунд-конунг ударил изо всей силы, столкнулся меч с копьём тем и сломался пополам на две части.

Один также дал свое копьё Дату для убийства Хельги, сына Сигмунда. Дат пронзил Хельги копьём в роще Фьетуриунд.

Когда наступит конец света – Рагнарёк (Сумерки Богов, или Гибель Богов) – Один выйдет с копьём Гунгнир биться со сбросившим путы, в которые заковали его асы, чудовищным волком Фенриром, Пожирателем Солнца, и будет им проглочен: «Впереди едет Один в золотом шлеме и красивой броне и с копьём, что зовется Гунгнир. Он выходит на бой с Фенриром-волком... Волк проглатывает Одина, и тому приходит смерть», что служил провозвестием Конца Света.

Один на Слейпнире² скачет,
Гери и Фреки рычат,
Вещие вороны кричат,
По небосводу летят.
Тучи проносятся мимо.
Волчий разносится вой.
Близится неумолимо
Гибели час роковой.
Плащ развевается алый,
Слышится топот копыт.
Гунгнира³ грозное жало
Нежити злобной грозит.
Один погибнет сегодня,
Но перед тем его меч
Множеству чад преисподней
Шеи отделит от плеч.

Вольфганг Акунов. Один на Слейпнире скачет

² Слейпнир – волшебный восьминогий конь бога мертвецов и шаманов Одина-Одена.

³ Гунгнир (норв., датск., исл.) или Гунгнер (шведск.) – защищающее договоры копьё Одина, на котором держится мир, являющееся одновременно Мировым древом (ясенем Игдрассиль) и конем Одина.

Зачин. Сверхвоины эпохи викингов

*Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги
Беззвучные, на звездном языке.
Но лик сокрыт – опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, воеждь. Но имя Смерть умчала
И унеслась на черном скакуне.*

И. А. Бунин. Без имени

Воины-звери: Легенды и действительность

История человечества полна легенд и мифов. Каждая эпоха вписывает в этот покрытый пылью времен том новую страницу. Многие из них канули в Лету, так и не дожив до наших дней. Однако есть предания, над которыми не властен века. Рассказы о воинах, обладающих нечеловеческими способностями – невосприимчивых к физической боли и не ведающих страха перед лицом смерти, – из этого числа. Упоминания о сверхвоинах можно отыскать едва ли не у каждого народа. Но особняком в этом ряду стоят берсерки – герои скандинавских саг и эпосов, само имя которых стало нарицательным.

На протяжении нескольких столетий самым страшным кошмаром Европы, а также немалых частей Азии и Африки были и оставались викинги. Когда на горизонте показывались змееглавые ладьи яростных пришельцев, население окрестных земель, охваченное леденящим ужасом, искало спасения в лесах. Размах опустошительных походов норманнов поражает воображение даже сегодня, спустя почти тысячу лет. На востоке они проложили знаменитый путь «из варяг в греки», дали начало княжеской династии Рюриковичей и более двух веков принимали активное участие в жизни Киевской Руси и Византии. На западе викинги, еще с VIII в., заселив Исландию и юг Гренландии, держали в постоянном страхе ирландские и шотландские берега. А с IX в. перенесли границы своих набегов не только далеко на юг – до Средиземного моря, но также и в глубь европейских земель, разорив Лондон (787 г.), Бордо (840 г.), Париж (885 г.) и Орлеан (895 г.). Явившиеся с Севера чужеземцы захватывали целые вотчины, иной раз не уступавшие по размерам владениям многих монархов: на северо-западе Франции они основали герцогство Нормандию, а в Италии – Сицилийское королевство, откуда совершали походы в Палестину задолго до крестоносцев. ТERRORизируя население европейских городов, воинственные скандинавы даже удостоились чести быть упомянутыми в молитвах: «Боже, избавь нас от норманнов!». Но были среди северных варваров воины, перед которыми и сами викинги испытывали мистический трепет. Они прекрасно знали, что попасться под горячую руку соплеменнику-берсерку было смерти подобно, а потому всегда старались держаться от этих братьев по оружию подальше.

С Одним и один в поле воин...

Считается, что впервые берсерки упоминаются в драпе (длинном стихотворении) скальда Торбьерна Хорнклови – древнескандинавском литературном памятнике. Речь там идет о победе короля Гаральда (Харальда) Прекрасноволосого, основателя Королевства Норвегия, в сражении при Хаврсфьорде, произошедшем предположительно в 872 г. «Берсерки, облаченные в медвежьи шкуры, рычали, потрясали мечами, кусали в ярости край своего щита и бросались на своих врагов. Они были одержимы и не чувствовали боли, даже если их поражало копье. Когда битва была выиграна, воины падали без сил и погружались в глубокий сон» – так очевидец и участник тех событий описывал вступление в бой легендарных воинов.

Кем же были эти бойцы? Берсерками или берсеркерами называли викингов, с ранних лет посвятивших себя служению Одину – верховному скандинавскому божеству, владыке чудесного чертога Вальхаллы, куда после смерти на вечное пиршество якобы отправлялись души воинов, героически павших на поле брани и заслуживших благоволение небес. Перед битвой берсерки вводили себя в особого рода боевой транс, благодаря чему отличались огромной силой, выносливостью, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли и повышенной агрессивностью. Кстати, этимология слова «берсерк» до сих пор вызывает в научных кругах споры. Скорее всего, оно образовано от старонорвежского «berserkr», что переводится либо как «медвежья шкура», либо «без рубашки» (корень «бер»/«бэр», Бег может означать как «медведь», так и «голый», а serkr – «шкура», «рубашка», буквально: «шелк»). Сторонники первого толкования указывают на прямую связь берсерков, носивших одежду из медвежьих шкур, с культом этого тотемного животного. «Голорубашечники» же делают акцент на том факте, что в бой берсерки ходили без кольчуг и рубах, обнаженными по пояс.

Отрывочные сведения о берсерках также можно почерпнуть из «Младшей Эдды» – сборника древнеисландских мифических сказаний, принадлежащих перу Снорри Стурлуссона. В «Саге об Инглингах» говорится следующее: «Мужи Одина бросались в бой без кольчуги, а ярились, словно бешеные псы или волки. В ожидании схватки от нетерпения и ярости, kloкотавших в них, грызли зубами свои щиты и руки до крови. Они были сильны, словно медведи или быки. Со звериным рыком разили они врага, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда...». Древнескандинавский поэт утверждал, будто «Один умел делать так, что в битве его враги слепли или глухли, или их охватывал страх, или их мечи становились не острее, чем палки». Связь берсерков с культом главного бога скандинавского пантеона имеет и другие подтверждения. Даже перевод многочисленных имен Одина указывает на его безумную и яростную природу: Вотан («одержимый»), Игг («страшный»), Херьян («воинствующий»), Хникар («сеятель раздоров»), Бельверк («злодей»). Под стать прозвищам их покровителя были и прозвища берсерков, дававших «властелину гнева» обет бесстрашия. Например, Гаральд (Харальд) Безжалостный, всегда ввязывавшийся в бой раньше других, или разбитый в 1171 г. под Дублином норманнский вождь Иоанн, имевший прозвище «Воде» (Wode), то есть «Безумец», «Одержимый». «Бешеный».

Берсерки вовсе не случайно являлись привилегированной частью воинского сословия, своего рода «спецназом» викингов. И таковыми их делало вовсе не стихийное буйство или жертвенное сумасбродство на ристалище. Просто они всегда открывали бой, проводя показательный, и в большинстве случаев победный поединок на виду у всего войска. Отряд берсерков одним своим видом заставлял врагов трепетать. Штурмуя города в качестве боевого авангарда, они оставляли за собой лишь горы трупов поверженных врагов. Если верить литературным памятникам, то древнескандинавские конунги часто использовали берсерков в качестве личной охраны, что лишний раз подтверждает их воинскую элитарность. В одной из саг говорится,

что у датского короля Хрольфа Краке (Хрольва Жердинки, прозванного так за свою худобу) в телохранителях ходило сразу двенадцать берсерков.

Берсерк был механизмом, взорванным свирепой страстью, адреналином, идейной установкой, дыхательными приемами, звукоколебательными вибрациями и механической программой действия. Он сражался не за что-то, а лишь для того, чтобы победить. Берсерк вовсе не должен был доказывать, что выживет. Он был обязан многократно окупить свою жизнь жизнями врагов, которых унес с собой на тот свет, в чертоги Одина. Берсерк не только шел умирать, он шел получать яростное удовольствие от этого процесса. Кстати, именно поэтому он чаще всего оставался в живых.

Один умел делать так, что в битве его враги слепли или глохли, или их охватывал страх, или их мечи становились не острее, чем палки, а его люди шли в бой без доспехов и были словно бешеные собаки и волки, кусали щиты и сравнивались силой с медведями и быками. Они убивали людей, и их было не взять ни огнем, ни железом. Это называется впасть в ярость берсерка.

Для сравнения: в главе 31 своей «Германии» римский историк, писатель и государственный деятель Публий (или Гай) Корнелий Тацит пишет о древних германцах:

«Как только они достигали зрелого возраста, им позволялось отращивать волосы и бороду, и только после убийства первого врага они могли их укладывать... Трусы и прочие ходили с распущенными волосами. Кроме того, самые смелые носили железное кольцо, и лишь смерть врага освобождала их от его ношения. Их задачей было предвзвешивать каждую битву; они всегда образовывали переднюю линию».

Публий Корнелий Тацит упоминает особенную касту воинов, которую он называет «гари» («харии»), и которые имеют все признаки берсерков (за 800 лет до битвы при Хафсфьорде):

«...они упорные воины. Им свойственна природная дикость. Черные щиты, раскрашенные тела, выбирают темные ночи для сражения и селят страх в противниках. Никто не устоит перед необычным и словно адским обликом их.»

В литературе берсерки часто появляются парами, неоднократно их сразу двенадцать. Они считались личной охраной древнескандинавских конунгов, что указывает на элитарный характер этой касты воинов. Непреложная верность их своему властителю встречается в нескольких местах старых саг. В одной из саг у короля датчан Хрольфа Краке было двенадцать берсерков, которые были личной его охраной: «Бедвар, Бьярки, Хьялти, Хохгемут, Цвитсерк, Кюн, Верт, Весети, Байгуд и братья Свипдаг».

После принятия в Скандинавии христианства старые языческие обычаи были запрещены. Попали под запрет и «бешеные» воины в звериных шкурах (причем не только медвежьих). Изданный в Исландии закон 1123 г. гласил: «Замеченный в бешенстве берсерка будет наказан тремя годами ссылки». С тех пор воины-берсерки бесследно исчезли. Существуют теории, согласно которым агрессивность берсерка объяснялась приемом перед боем психотропных веществ, таких как мухомор, или большого количества алкоголя. Эта точка зрения является наиболее распространенной, однако назывались и другие возможные причины, такие как истерия, эпилепсия, психические заболевания и дурная наследственность. Обычно берсерки сражались секирой (топором с длинным древком и большим бородавчатым лезвием, прообразом позднейшего бердыша). Секира, помимо своей боевой эффективности, наводила страх на противника своими габаритами. Этим оружием наносили рубящие удары, но чтобы отбросить противника, также били тупым концом топорика и частью лезвия.

Упоение в бою...

Все до единого свидетельства изображают берсерков как свирепых бойцов, которые сражались с дикой, прямо-таки магической страстью. Так в чем же заключался секрет ярости берсерков, а также их нечувствительности к ранениям и боли: было ли это следствием наркотического опьянения, наследственного заболевания или специальной психофизической подготовки?

В настоящее время имеется несколько версий, объясняющих это явление. Первая – одержимость «звериным духом». Этнографы подтверждают, что нечто подобное отмечалось у многих народов. В моменты, когда «дух» овладевает человеком, тот не чувствует ни боли, ни усталости. Но лишь это состояние оканчивается, как одержимый практически моментально засыпает, его словно выключают. Вообще, оборотничество как воинская практика было широко распространено в Античности и Средневековье. Следы «превращения в зверя», разумеется, не в буквальном, а в ритуальном и поведенческом смысле можно отыскать в современных военных лексиконах и геральдической символике. Обычай присваивать спецподразделениям имена хищных животных для того, чтобы подчеркнуть их элитарность, тоже берет начало в глубоком прошлом. У древних германцев зверю подражали, он играл роль наставника при инициации, когда юноша, вступая в ряды взрослых воинов, демонстрировал свои боевые умения, ловкость, мужество и храбрость. Победа человека над тотемным животным, считавшимся предком и покровителем данного племени, означала передачу воину самых ценных звериных качеств. Считалось, что в итоге зверь не умирал, а воплощался в одолевшем его герое. Современная психология давно уже выявила механизмы, посредством которых человек «вживается» в образ того существа, чью роль он исполняет в данный момент. Берсерки, рычавшие и надевавшие на себя медвежьи шкуры, как бы на самом деле становились медведями. Конечно, звериный маскарад отнюдь не был ноу-хау норманнов. Известный мюнхенский этнолог профессор Ханс-Йоахим Папрот уверен, что культ медведя появился намного раньше и был распространен более широко. «Уже на рисунках каменного века, например в пещере Труа-Фрер в Южной Франции, мы находим изображения танцоров в медвежьих шкурах. А шведские и норвежские лапландцы отмечали ежегодный Медвежий праздник вплоть до прошлого столетия (как и айны Японских островов. – В. А.), – говорит ученый. Австрийский германист профессор Отто Хефлер считает, что в зверином переодевании был заложен глубокий смысл. «Оно понималось как превращение не только зрителями, но и самим переодевающимся. Если плясун или воин облачался в медвежью шкуру, то сила дикого животного, конечно, в переносном смысле, переходила в него. Он действовал и чувствовал себя как медведь. Отголоски этого культа можно увидеть и сегодня, например в медвежьих шапках английских королевских гвардейцев, охраняющих лондонский Тауэр», – заявляет он. А в датском фольклоре до сих пор бытует уверенность, что всякий, кто наденет железный ошейник, может превратиться в медведя-оборотня (или даже медведеволка).

Современной науке известно, что нервная система человека может производить вещества, по своему составу и действию близкие к наркотикам. Воздействуют они непосредственно на «центры наслаждения» мозга. Можно предположить, что берсерки являлись как бы заложниками собственной ярости. Они были вынуждены искать опасные ситуации, позволяющие вступить в схватку, а то и вовсе провоцировать их. В одной из скандинавских саг говорится о человеке, имевшем двенадцать сыновей. Все они были берсерками: «У них стало обычаем, находясь среди своих и почувствовав припадок ярости, сходить с корабля на берег и кидаться там большими камнями, выворачивать с корнем деревья, иначе в своей ярости они покалечили бы или убили родных и друзей». Фраза «есть упоение в бою» обретала буквальный смысл. Позднее викинги большей частью все же ухитрились контролировать такие приступы. Ино-

гда они даже входили в состояние, которое на Востоке называют «просветленным сознанием». Овладевшие этим искусством становились поистине феноменальными воинами.

Одержимые мухоморами?

Предпринимались и другие попытки объяснения нечеловеческой ярости берсерков. В 1784 г. С. Эдман, ссылаясь на обычаи некоторых восточносибирских племен, высказал догадку, что и берсерки одурманивали себя настоем из мухоморов. Народы Крайнего Севера – тунгусы, ламуты или камчадалы – вплоть до недавнего времени в практике камланий (гаданий) использовали порошок из высушенных мухоморов, слизывая который с ладони шаманы впадали в транс. Поведение берсерков в бою действительно напоминает состояние опьянения мускаринном – ядом мухомора: одурманенность, вспышки ярости, нечувствительность к боли и холоду, а затем невероятное утомление и глубокий сон, о котором писали, что «викинги падают на землю от усталости, а не от ран». Именно такую картину бесстрастно зафиксировала сага о сражении под норвежским городом Ставангер в 872 г., когда берсерки после победы повалились на берег и более суток проспали мертвым сном. Действие мускарина, как и любого другого галлюциногена, основано на изменении скорости импульсов нервных окончаний, что вызывает чувство эйфории. А чрезмерная его доза может привести к летальному исходу. Но здесь интересно другое: состояние, вызванное ядом у одного индивида, вскоре распространяется на всех окружающих. Некоторые историки считают, что берсерки знали об этой методике, и потому мухоморный допинг употребляли лишь предводители отрядов или Избранные. Однако достоверных доказательств «грибной» теории все же не существует. Отдельные этнографы до сих пор предполагают, что берсерки принадлежали к определенным сакральным союзам или семьям, в которых знания о таинственных свойствах растений передавались из поколения в поколение. Но в древнескандинавских сагах вообще нет упоминаний о психотропных средствах. А потому дискуссия на тему «берсерки и мухоморы» ведется на весьма зыбкой почве, какой бы привлекательной эта версия ни казалась.

Теперь еще об одном полумифическом свойстве берсерков – неуязвимости. Самые разные источники в один голос утверждают, что воин-зверь фактически не мог быть сражен в бою. От метательного и ударного оружия берсерков берегла своеобразная «мудрость безумия». Расторможенное сознание включало крайнюю быстроту реакции, обостряло периферическое зрение и, вероятно, обеспечивало некоторые экстрасенсорные навыки. Берсерк видел, а то и предугадывал любой удар, успевая отбить его или отскочить с линии атаки. Вера в неуязвимость берсерков пережила героический век и нашла отражение в скандинавском фольклоре. Берсерки XI и XII вв. умело пользовались имиджем, оставшимся в наследство от предков. Да и сами по мере сил и возможностей дорабатывали свой образ. Например, всячески подогревая слухи, будто могут одним взглядом притупить любой меч. Саги, с их любовью ко всему сверхъестественному, легко впитывали столь красочные подробности.

Медики также внесли в разгадку тайны неистовых воинов свою посильную лепту. «Легендарная сила берсерков не имела ничего общего ни с духами, ни с наркотиками, ни с магическими ритуалами, а была лишь болезнью, передававшейся по наследству», – считает профессор Джесси Л. Байок. Они – обычные психопаты, терявшие контроль над собой при малейшей попытке им перечить. Со временем берсерки научились разыгрывать хорошо отрепетированный спектакль, одним из элементов которого стало кусание щита. Общеизвестно, что изнеможение, наступающее после приступа ярости, характерно для людей с психическими отклонениями. Истерики легко переступают грань, отделяющую притворство от реальности, и усвоенный прием становится симптомом настоящей болезни. Причем психозы, охватывавшие средневековое общество, часто носили эпидемический характер: достаточно вспомнить пляску святого Витта или движение флагеллантов-самобичевателей. В качестве яркого примера Джесси Л. Байок приводит необузданного в гневе, жестокого и жадного викинга, а по совместительству известного исландского поэта Эгиля, жившего в X в. Так вот, если верить «Саге об Эгиле»,

он обладал всеми типичными чертами берсерка, перенявшего свой дикий нрав от предков. Причем голова у него была такая массивная, что ее и после смерти нельзя было расколоть топором. Анализ текста древнескандинавского литературного памятника также позволил Байоку сделать вывод, что семья Эгиля страдала от синдрома Пагета – наследственной болезни, при которой происходит неконтролируемое увеличение кости. Человеческие кости обновляют себя постепенно, это обычно происходит за 8 лет. Однако болезнь настолько повышает темп разрушения и новообразования костей, что они становятся значительно больше и уродливее, чем прежде. Особенно заметны последствия синдрома Пагета на голове, где кости становятся более толстыми. По статистике, в Англии сегодня этому недугу подвержены от 3 до 5 процентов мужчин старше 40 лет. Подтвердить или же опровергнуть экзотическую гипотезу ввиду исторической отдаленности весьма затруднительно.

Герои или «отморозки»?

С детства мы усвоили непреложный закон сказок и мифов: все действующие в них персонажи делятся на «хороших» и «плохих». Полутонув здесь, за редким исключением, не бывает – такова специфика жанра. К какой же категории можно отнести берсерков?

Как бы странно это ни звучало, но неистовые воины, скорее всего, были для своих современников антигероями. Если в ранних сагах берсерки изображались как отборные воины, телохранители короля, то в более поздних родовых сказаниях они предстают как грабители, мародеры и насильники. В «Круге земном», сборнике саг (легенд, или сказаний), составленном исландским скальдом и политическим деятелем Снорри Стурлуссоном (Снорре Стурласоном) в XIII в., имеется множество подобных свидетельств. Большинство эпизодов стереотипно по содержанию и композиции. Незадолго до Рождества некто огромного роста и наделенный необычайной силой, часто в сопровождении одиннадцати человек, заявляется незванным гостем на крестьянский двор (хутор-гард) с намерением забрать все ценное и принудить женщин к сожительству. Если хозяин гарда дома, он либо болен, либо немощен и не может дать отпор злодеям. Но чаще он находится за много миль от дома, в какой-либо отдаленной области Норвегии. Главари пришельцев – берсерк, готовый доказать в поединке свое право распоряжаться чужим хозяйством. Желających сразиться с силачом, поднаторевшим в таких поединках (а все его предыдущие противники мертвы), не находится. Но как раз в это время на гарде случайно оказывается мужественный исландец, который либо принимает вызов, либо побеждает лиходеев хитростью. Результат всегда один и тот же: берсерки убиты, включая тех, кто надеялся спастись бегством. Когда неприятности позади, возвращается хозяин и щедро одаряет спасителя, а тот слагает в память о случившемся вису – скальдическое стихотворение из восьми строк – благодаря которому его подвиг становится широко известен.

Вполне естественно, что за подобные «акции» берсерков, мягко говоря, недолго любили. Сохранились достоверные исторические свидетельства, что в 1012 г. ярл Эйрик Хаконарсон (Хакенарсон) объявил берсерков на территории Норвегии вне закона, и они, видимо, стали искать счастья в других краях, в том числе и в Исландии. Скорее всего, берсерки-мародеры – это банды бездомных, оставшихся не у дел воинов. Они были рождены для сражений: великолепно владели оружием, были подготовлены психологически, знали, как запугать врага рычанием, агрессивным поведением и защититься от рубящих ударов плотной медвежьей, волчьей или кабаньей шкурой. Но когда берсерки стали не нужны, их постигла участь любой забытой армии – моральная деградация.

Конец эпохи норманнских походов, христианизация и становление раннефеодальной государственности в скандинавских землях привели в конце концов к полному переосмыслению образа берсерка. Уже с XI в. это слово приобретает исключительно негативный оттенок. Причем берсеркам под влиянием церкви приписывают ярко выраженные демонические черты. В «Саге о Ватисдале» рассказывается, что в связи с прибытием в Исландию епископа Фридрека там объявили войну «одержимым». Описание их дано вполне в традиционном духе: берсерки творят насилие и произвол, гневливость их не знает границ, они лают и рычат, вгрызаясь в край своего щита, ходят по раскаленным углям босыми ногами и даже не пытаются контролировать свое поведение. По совету новоприбывшего священнослужителя одержимых злыми духами отпугивали огнем, забивали насмерть деревянными кольями (испытанный способ избавиться от оборотня), ибо считалось, что «железо не уязвляет берсерков», а трупы убитых «одержимых» сбрасывали в овраг без погребения. В других текстах отмечалось, что окрещенный берсерк навсегда утрачивал способность перевоплощаться. Преследуемые и травимые со всех сторон, оказавшиеся в новых общественных условиях опасными изгоями и преступниками, привыкшими жить лишь набегами и разбоем, берсерки стали настоящим бедствием.

Они врывались в поселения, убивали местных жителей, устраивали засады на путников. И право древней Скандинавии поставило кровожадных безумцев вне закона, вменив в обязанность каждому жителю уничтожать берсерков. Изданный в Исландии закон 1123 г. гласил: «Замеченный в бешенстве берсерк будет наказан тремя годами ссылки». С тех пор воины в медвежьих шкурах исчезли, а вместе с ними канула в Лету седая языческая древность.

Никому неизвестно, где и когда погиб последний берсерк: история ревностно оберегает эту тайну. О былой славе яростной элиты викингов сегодня напоминают разве что героические сказания да замшелые рунические камни, рассеянные по склонам скандинавских холмов...

Карл Густав Юнг и Вотан – бог берсерков

*Он на запад глядит – солнце в море спускается,
Светит по морю красным огнем.
Он застыл на скале – ветхий плащ развевается
От холодного ветра на нем.
Опираясь на меч, он глядит на багровую
Чешую беспредельных зыбей.
Но не видит он волн, только душу суровую
Означают изгибы бровей.
Древен мир. Он древней. Плащ Одина как вретнице,
Ржа веков на железном мече.
Черный ворон Хугин – скорбной Памяти детище
У него на плече.*

И. А. Бунин. Один.

Бог Один (Вотан) считался покровителем берсерков, бьорнульвов и других воинов-зверей. В своем известном эссе «Вотан» великий швейцарец Карл Густав Юнг, основатель «глубинной психологии», а также теории «коллективного бессознательного», и самый знаменитый из учеников «отца психоанализа» Зигмунда Фрейда, совершенно правильно подчеркивал, что Карл-Вильгельм Нинк⁴ в своем труде действительно создает величественный портрет германского бога. Описывая его в десяти главах, использует весь имеющийся в наличии материал: Вотан как берсерк, как бог бури, путешественник, воин, как бог-Чарование, бог-Возжелание, повелитель эйнхериев и сам главный эйнхерий, мастер тайноведения, волшебник и бог поэтов. Не забыты ни валькирии, ни «фюльгья» (fulgia), ведь они относятся к мистическому окружению и пророческому значению Вотана. Особенно прозрачны изыскания Нинка по этимологии имени. Становится ясно, что Вотан не только бог ярости и неистовства, соединяющий инстинктивную и эмоциональную стороны бессознательного. В Вотане проявляется и интуитивная и вдохновляющая сторона – он понимает руны и может толковать судьбу. Ряд исследователей отмечает, что представления современного оккультизма напрямую соотносятся с аналитической психологией Юнга и его концепцией «коллективного бессознательного», которую привлекают адепты оккультизма и деятели нетрадиционной медицины в стремлении научно обосновать свои взгляды. Современными исследователями отмечается, что многие направления оккультизма сегодня развиваются в русле основных идей Юнга, которые адаптируются к научным представлениям современности. Юнг ввел в культурный обиход огромный пласт архаической мысли – магического и гностического наследия, алхимических трактатов и других текстов эпохи Средневековья и др. Именно Юнг «возвел оккультизм на интеллектуальный пьедестал», придав ему статус престижного знания. Данное обстоятельство, на наш взгляд, не является случайностью, поскольку Юнг был мистиком, и по мнению исследователей, именно в этом следует искать подлинные истоки его учения. Карл Юнг с детства находился в обстановке «соприкосновения с другими мирами». Его окружала соответствующая атмосфера дома Прейсверков – родителей его матери Эмилии, где практиковалось общение с духами умерших. Мать Юнга Эмилия, дед Самуил, бабка Августа, кузина Хелен Прейсверк практиковали спиритизм.

⁴ Карл-Вильгельм Нинк – немецкий писатель и видный общественный деятель «эпохи грюндерства», основатель многочисленных благотворительных заведений и институтов сестер милосердия, оказывавший в период Пруско-австрийской (Германо-германской или Богемской) войны 1866 г. и Франко-прусской (Германо-французской) войны 1870–1871 гг. помощь раненым и больным военнослужащим. Автор фундаментального труда «На библейских тропах» (нем. Auf biblischen Pfaden), изданного в 1883 г. в Гамбурге и весьма ценившегося основателем теории «коллективного бессознательного» Карлом-Густавом Юнгом.

тизм («общение с духами умерших» и контакты со стихийными духами), считались «ясновидящими» и «духовидцами». Спиритические сеансы устраивал и сам Юнг. Дочь Юнга Агата впоследствии сама стала медиумом. Из воспоминаний Юнга мы узнаем, что мертвые приходят к нему, звонят в колокольчик и их присутствие ощущает вся его семья. Вот он задает «крылатому Филимону» (своему «духовному руководителю», подобному «демону» древнегреческого мудреца, «царя философов» Сократа, и в то же время – своеобразному аналогу «фюльги» древних германцев) вопросы своим собственным голосом, а отвечает фальцетом своего женского существа «анимы», вот в его дом стучат мертвые рыцари-крестоносцы... Не случайно психотерапевтическая техника «активного воображения» Юнга разрабатывала принципы общения с мистическим миром и включала моменты вхождения в транс (наподобие «бешенства» – «ву(о)т» – священной ярости-одержимости» древнегерманского Вотана-Одина и его почитателей, берсерков, ульвхединов, варульвов, бьорнульвов, свевских гариев, лангобардских «воинов-псов» и др.). В то же время безусловный знак равенства между юнгианством и эзотерическими представлениями нашего времени ставить нельзя, поскольку учение Юнга отличается от них не только своей сложностью и высокой культурой, но и принципиально иным отношением к миру мистики и духа.

Римляне отождествляли Вотана с Меркурием, но в действительности индивидуальный характер Вотана не соотносится с каким-либо из римских или греческих богов, хотя и существует некоторое сходство. Он странствует, например, как Меркурий; правит мертвыми, как Плутон и Кронос, а с Дионисом его связывает эмоциональное неистовство, особенно в гадательном аспекте. Удивительно, что Нинк не упомянул Гермеса, греческого бога откровения. Как Пневма (Дух) и Нус (Ум), Гермес тоже связан с ветром, он может быть мостом к христианской пневме и к явлению, произошедшему на Троицын день. Как Поймандр, Гермес – Одержавший людей. Нинк правильно выделяет то, что Дионис и другие греческие боги всегда оставались под верховной властью Зевса, и эта власть указывает на фундаментальное различие греческого и немецкого темперамента. Нинк предполагает внутреннюю взаимосвязь Вотана и Кроноса; возможно, архетип Вотана был однажды захвачен и расщеплен в далекой Античности.

Во всяком случае, немецкий бог представляет цельность, относящуюся к первобытному уровню, к психологическому состоянию, в котором человеческая воля почти идентична божественной и, значит, целиком в руках судьбы. Но существовали греческие боги, помогающие человеку против других богов, а отец Зевс находится на подступах к идеалу благодетельного, просвещенного деспота.

Не путь для Вотана – стоять и выказывать признаки возраста. Он просто исчез, когда время обернулось против него, и был невидим более тысячи лет, а это означает, что действовал он лишь анонимно и косвенно. Архетипы походят на ложа рек, высохших, потому что их покинула вода, которая может вернуться в любое время. Архетип иногда – как старое русло, по которому в какое-то время текла вода жизни, прорезая для себя глубокую протоку. Дольше она текла – глубже протока, и велика вероятность того, что рано или поздно вода вернется. Индивидуумы в обществе и, в большей мере, в государстве могут управлять этой водой и регулировать ее наподобие канала. Но когда вода достигает жизни наций, она становится великой хлынувшей рекой, вне контроля человека, но во власти того, что было всегда сильнее, чем человек.

О военном деле эпохи берсерков

Состояние войны было привычным и естественным состоянием общества эпохи Средних веков, какой бы период мы ни рассматривали. Однако в ходе исторического развития происходили весьма существенные изменения в характере и содержании тех конкретных сил, вооруженными руками которых осуществлялись боевые действия. К тому же эти изменения всегда находились в теснейшем контакте с эволюцией самого социума, ибо вооруженный человек, сколько бы ни говорилось о важности прочих аспектов средневековой жизни, безусловно, находился в центре «линий напряжения» той эпохи, являя собой единственную реальную силу, с которой приходилось считаться всем остальным членам общества. Скандинавские отряды, почти три столетия наводившие страх на значительную часть Старого Света и весьма существенно влиявшие на ситуацию в странах, которым выпало сомнительное счастье стать их вождельной добычей, навсегда останутся притягательнейшим материалом для исследователя. Критерий оценки вооруженных сил для любой эпохи может быть только один, а именно: их эффективность. И по этому основному показателю воинские коллективы викингов остаются для своего времени если не недостижимым, то все же образцом. Никакие тактические промахи и громкие поражения, такие, как разгром норманнов в Бретани (890 г.), битва при Левене (891 г.) или последнее, классическое и трагическое, сражение викингов норвежского короля Гаральда (Харальда) Гардрада (прозванного «последним викингом») под Стэмфордбриджем (битва у Стэнфордского моста), разгромленных англосаксонским королем Гарольдом Годвинсоном в 1066 г. (незадолго до разгрома самого короля англосаксов нормандским герцогом Вильгельмом Незаконнорожденным, впоследствии – Завоевателем, в том же самом кровавом 1066 г. при Гастингсе!) не изменяют общей картины или, что вернее, остаются исключением, подтверждающим правило. В самом деле, ни Европа, ни Азия не смогли за триста лет создать альтернативных воинских формирований, способных не только организовать для ответных походов, но хотя бы положить конец энергичной деятельности северных дружин или устойчиво удерживать инициативу в своих руках (хотя не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что викинги всегда находили в странах, в которые вторгались, союзников в лице одних групп местных феодалов, соперничавших с другими группами местных феодалов, заключавших с северными пришельцами военный союз и использовавших викингов в своих бесконечных междоусобицах – как, скажем, удельные русские князья пользовались в своей междоусобной борьбе услугами тех же норманнов-варягов, печенегов, половцев, а впоследствии – татар). Движение викингов не было остановлено, оно прекратилось само собой в силу, прежде всего, внутренних причин. Однако сама по себе дружина викингов остается во многом «вещью в себе». Это явственно ощутимо при изучении упоминаний о викингах в «западном» контексте – хроники VIII–IX столетий живописуют некую стихию, порой возглавляемую конкретными вождями, порой же совершенно безликую. Быть может, единственное вразумительное свидетельство, хоть в какой-то мере проливающее свет на внутренний характер этого института, – хрестоматийное «мы все равны» воинов Хрольва Пешехода, столь часто цитируемое в различном контексте. Между тем совершенно ясно, что без достаточно объективного представления о том, чем на самом деле были эти воинские коллективы, чрезвычайно трудно оценить их влияние на другие социальные организмы, как собственно скандинавские, так и зарубежные. Предмет нашего внимания в данном случае достаточно узок. Это ядро движения викингов, та молекула, которая была основой любого воинского соединения, предназначавшегося для реализации той или иной боевой задачи – дружина викингов – гирд (по-старонорвежски), или грид (по-шведски). Она отнюдь не тождественна любому вооруженному отряду, который появлялся у берегов потенциального объекта грабежа, насилия или завоевания. Понятно, что многотысячные армии не были однородными формированиями со строгим единоначалием. О единоначалии,

впрочем, вообще трудно говорить применительно к эпохе, когда талант полководца заключался главным образом в том, чтобы без потерь доставить свою армию в точку непосредственного визуального контакта с противником и построить ее в определенном соответствии с ситуацией. Дальнейший ход событий в подавляющем большинстве случаев от вождя фактически не зависел. При этом чем более надежно шлемы скрывали под своим покровом уши и глаза подчиненных и чем тяжелее становились их индивидуальные, а потом и конские, «спецсредства», тем более утрачивался контроль над воинством в ходе битвы. Основной вопрос всей средневековой стратегии, безусловно, сводился к проблеме хоть сколько-нибудь эффективного управления войсками на поле брани. Окончательно этот вопрос в Средние века так и не был решен и в какой-то мере снят был лишь в Новое время. Один из актуальных вопросов эпохи викингов – вопрос о численности отрядов. Известно, что даже серьезные сражения Средневековья, как правило, не отличались многолюдьем. Но, вероятно, этот тезис более применим к развитому и позднему Средневековью, когда экипировка воина значительно подорожала в связи с усовершенствованием, и в силу того же фактора значительно возросла ее эффективность. В раннем же Средневековье, когда большинство воинов было относительно легко – по позднейшим меркам – вооружено, сохранялось большое число полноправных, т. е. потенциально рекрутируемых людей, размеры воинских контингентов были наверняка существенно более внушительными. В том, что отряды викингов бывали достаточно многочисленными, сомнений нет. Несмотря на общую тенденцию возрастания количества участников походов к концу IX в., уже первые походы порой бывали настоящими нашествиями. Так, Готфрид Датский в 810 г. привел во Фрисландию двести кораблей, в 837 г. король Леона, отразив нападение, сжег семь десятков драккаров (драконоголовых кораблей викингов), примерно в это же время в Ирландию вторглись два флота общей численностью не менее ста двадцати кораблей. И далее: 845 г.

– на Сене сто двадцать длинных (боевых) судов, 849 г. – сто сорок кораблей в Ирландии, 851 г. – триста пятьдесят в Днглии, 852 г. – двести пятьдесят два корабля (точность, внушающая доверие) во Фризии, Фландрии и Франции и т. д. Принимая среднюю численность команды боевого корабля в пределах сорока-семидесяти человек, мы можем сказать, что уже для первых этапов движения викингов армия в десять-двадцать тысяч воинов не была чем-то экстраординарным. Цифры корабельного состава, приводимые источниками, представляются нам более убедительными, нежели численность воинских отрядов. Саги довольно часто оперируют численностью именно кораблей, а не воинов (это, разумеется, не относится к сугубо сухопутным походам). При организации и созыве ледунга (ополчения) именно корабль был основной единицей. Хакон Добрый ввел закон, согласно которому все населенные земли от моря до той границы, куда поднимался по рекам лосось, были поделены на корабельные округа. «Было определено, сколько кораблей и какой величины должен выставить каждый фюльк (округ) в случае всенародного ополчения» («Сага о Хаконе Добром», XX). Вообще в этой саге практически нет упоминаний о численности личного состава – лишь количество судов. Две ладьи Хакона разбивают одиннадцать кораблей датчан (там же, VII); в морском сражении с сыновьями Эйрика девять его кораблей противостоят более чем двум десяткам кораблей противника (там же, XXIV). Судя по всему, эта информация вполне удовлетворяла потенциального слушателя саги и была для него достаточной. Кроме того, корабль выступает здесь совершенно определенно в качестве самодостаточной единицы. Отметим, что сам по себе корабль не нес никакого наступательного вооружения. Вся его ударная сила была представлена лишь оружием команды, что – при общеизвестном настороженном отношении викингов к метательному вооружению – сводило бой к рукопашной схватке на палубах сцепленных кораблей. То есть сам драккар был боевым кораблем только в силу и при условии наличия на нем «морской пехоты», единолично и в буквальном смысле «собственноручно» решавшей исход схватки. Между тем известно, что в это время скандинавские страны не представляли собой сколько-нибудь единых организмов; лишь через сотню лет после начала массовых походов викингов можно говорить о

результативных попытках первичного объединения северных стран – при Горме Старом (940) в Дании, при Гаральде-Харальде (860–940) в Норвегии. К тому же ни Горм, ни Харальд Прекрасноволосый не блеснули, насколько можно судить, на поприще крупных заморских походов, растратив, вероятно, силы при покорении соотечественников. В любом случае, приходившие в европейские государства армии норманнов не были королевскими (армиями конунгов), а представляли собой временно соединенные – достаточно поверхностно и механически – дружины отдельных хевдингов. (Хевдинги, хавдинги, хёвдунги – вожди, представители родоплеменной знати – ярлов, соответствующих эрилам-эрулам древних континентальных германцев.) С точки зрения строгой типологии воинской единицы в сугубом смысле слова можно признать лишь отряд: а) непосредственно подчиненный своему командиру; б) неделимый, если к тому не понуждали исключительные обстоятельства; в) автономный при выполнении боевой задачи, т. е. в известном смысле аналог современного взвода. В эпоху викингов в Скандинавии с организационной точки зрения имели место три основных типа воинских формирований, а именно: 1) народное ополчение (ледунг); 2) дружины конунгов; 3) свободные дружины викингов.

Народное ополчение (ледунг) было наиболее древним и естественным видом вооруженных сил. Истоки его происхождения коренились в глубокой древности и были столь же стары, как и сам организованный социум. Как неоднократно отмечалось, конунги (короли) Норвегии (равно и других скандинавских стран) не располагали – из-за неполного развития феодального землевладения – достаточным количеством профессиональных воинов, чтобы опираться только на дружину и ленников, не считались с низкой боеспособностью крестьянского ополчения и постоянно созывали его. С этим следует согласиться – за одним исключением. Представляется, что, как раз, напротив, в силу специфически заторможенных в Скандинавии процессов исторического развития эффективность этого ополчения на уровне отдельного бойца вряд ли принципиально отличалась от эффективности профессионала-дружинника – по крайней мере, в эпоху норманнов викингов. Многотысячные армии, осуществлявшие все наиболее массовые походы викингов, состояли в основном из покинувших родной дом бондов (свободных крестьян). Что же касается вооружения, то ни археологические находки, ни простая логика и здравый смысл не позволяют всерьез говорить о какой-либо экстраординарной оснащенности оружием дружинников-профессионалов. Поголовно закованные в железо толпы язычников – скорее преувеличенный ужасом плод сознания европейских хронистов да еще авторов современных бестселлеров в жанре «фэнтези», чем историческая реальность. Невероятно, чтобы нищий – по европейским меркам – полуостров мог снабжать своих обитателей не только большим, но хотя бы равным с франкскими или англосаксонскими армиями количеством вооружения. В пользу этого свидетельствует и постоянный импорт оружия на Север с Рейна; столь же постоянными были, наверняка, захваты трофеев во время материковых и островных кампаний. Те победы, которые достигались викингами при прочих равных условиях (численный паритет, отсутствие фактора внезапности или помощи «пятой колонны»), были следствием отчасти большего искусства при обращении с оружием в бою, главным же образом более высокого боевого духа и психологических установок. Стоит напомнить, что многие наиболее воинственные и агрессивные, оставившие яркий след в истории герои саг, наподобие Греттира, лишь эпизодически входили в состав дружин каких-либо конунгов, по большей же части вели жизнь бойцов-одиночек и предпочитали действовать на свой страх и риск. Вообще способности к рукопашному бою, судя по всему, были, как и в любом ином обществе, строго индивидуальной особенностью того или иного человека, а масса превратностей повседневной жизни поддерживала постоянную боеготовность бондов, частенько вынужденных обнажать оружие. Основной же функцией ополчения следует считать решение задач местной обороны (в Норвегии, в частности, обороны побережья, чему и служили реформы Хакона Доброго). Народное ополчение служило, в свою очередь, источником рекрутирования новых членов в дружины. Два типа

дружин имеют много общего между собой и отчасти генетически связаны. Дружины, группировавшиеся вокруг конунгов, также имели давнюю историю. Общеизвестен пассаж древнеримского историка, писателя и государственного деятеля Публия Корнелия Тацита о юношах, стремящихся поступить на военную службу к выдающимся вождям: они «собираются возле отличающихся телесною силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно состоять их дружинниками» (Тацит «О происхождении германцев», 1993. С. 13). Примечательно, что уже тогда дружина не была однородна, в ней присутствовали ранговые различия. Несомненно, этот институт – ровесник самой власти, которая не могла возникать на одном личном обаянии и авторитете вождя, но была изначально гармоничным сочетанием славы собственных подвигов и страха окружающих перед открытым принуждением. Собственно, история сложения вокруг династий конунгов их военных отрядов и борьба руками членов этих отрядов за установление власти конунга на возможно большей территории – и есть история генезиса государства. Третий тип вооруженных формирований – дружины викингов. Быть может, более явственно, в рафинированном виде, эти дружины предстают перед нами не в заморских походах, а в самой Скандинавии, где они были в отдельные эпохи настоящим бедствием для коренных обитателей, становившихся объектом их внимания как источник добычи. Именно в Скандинавии, среди своих соотечественников, в столкновениях с единоплеменниками и соседями, дружина викингов и приобрела свой завершённый вид, в котором вышла на международную арену и стала достоянием истории. При этом начались эти внутренние походы, разумеется, очень давно, будучи ярким проявлением эпохи военной демократии. «Сага об Инглингах» наполнена сообщениями о бесконечных «экспроприациях» данов в Швеции и наоборот. Выделить эту дружину среди прочих отрядов для пристального анализа можно. Труднее адекватно ее охарактеризовать. Ее история берет начало задолго до первых походов викингов. Первоначально, в эпоху Публия Корнелия Тацита, и позднее, в эпоху Великого переселения народов, вообще отсутствовала граница между такими «вольными» дружинами и дружинами конунгов. В условиях, когда не существовало даже зачатков официальной государственности, в принципе не могло быть никаких «побочных» дружинных институтов. Все вожди, обраставшие дружиной, были примерно в равном положении (см. вышеприведенный пассаж Тацита). Позднее, в вендельскую эпоху (VI–VIII вв.), предпринимаются первые зафиксированные попытки создания объединений протогосударственного типа, изначально основанных на сакральной практике – держава Инглингов в Швеции, Скульдунгов – в Дании. И первый «поход викингов» в 521 г., поход Хигелака-Хуглейка, был, по сути своей, «протогосударственным» мероприятием. Родственник верховного правителя данов самим фактом своего руководства придавал походу статус такового. Что же касается избыточных, маргинальных элементов, то они выталкивались из структуры вендельского социума на пустующие территории, т. е. происходила достаточно крупномасштабная внутренняя колонизация. Наконец, в эпоху викингов свободные дружины окончательно выделяются как особый тип – тип не только воинского формирования, но и особого уклада жизни целой группы людей, группы весьма многочисленной. Комплекс причин – нехватка земли для младших сыновей, недостаточная прибыльность хозяйства для самостоятельных и часто семейных землевладельцев, жажда подвигов и приключений для всех категорий – побуждал сниматься со своих мест значительное количество людей. Для большинства это было сезонным и временным занятием. Безусловно справедливым выглядит усмотрение в викинге прежде всего и главным образом искателя «нового социального качества» – качества феодала (обычно за пределами Скандинавии), королевского дружинника или купца. Дружины, отправлявшиеся за море, по-видимому, чаще всего имели смешанный состав, где наряду с «профессиональными викингами» присутствовало изрядное количество «викингов временных», которые после похода (или серии походов) возвращались к своему хозяйству. К тому же, – если, конечно, отряд не оставался за морем, – ремесло викинга оставалось профессией сезонной. Так же обстояло дело и с руководителями; среди конунгов (фактически – князей,

значение «король», «монарх» слово «конунг» обрело позднее) – предводителей этих дружин – были такие, кто имел собственные владения, а были и безземельные отщепенцы, младшие сыновья и т. д. Из них (разумеется, не от одной хорошей жизни, но вынужденно) рекрутировалось сословие морских конунгов, тех, у кого «были большие дружины, а владений не было». Только тот мог с полным правом называться морским конунгом, кто «никогда не спал под закопченной крышей и никогда не пировал у очага» («Сага об Инглингах»). Существенной разницы между этими предводителями и конунгами, боровшимися за власть над всей страной, не было. Видимо, единственным критерием, по которому можно было оценить в глазах современников правомерность притязаний на верховенство, была степень родства претендента с древом прежних правителей – Инглингов или Скьольдунгов. Однако в наибольшей степени черты стихии викинга были присущи отрядам предельно маргинализированных элементов, часто просто не утруждавших себя поиском приключений на стороне, за морем, а промышлявших за счет относительно менее воинственных соседей. Один из хрестоматийных примеров описан в «Саге о Греттире»: «Людам казалось большим непорядком, что разбойники и берсерки принуждали достойных людей к поединкам, покушаясь на их жен и добро, и не платили виры за тех, кто погибал от их руки. Многих так опозорили: кто поплатился добром, а кто и жизнью... Называют двух братьев, которые были всех хуже. Одного звали Торир Брюхо, а другого Эгмунд Злой. Они были родом с Халогаланда, сильнее и выше ростом, чем прочие люди. Они были берсерками и, впадая в ярость, никого не щадили. Они уводили мужних жен и отцовских дочерей и, продержав неделю или две у себя, отсылали назад. Где только они не появлялись, всюду грабили и учиняли всякие другие бесчинства». Как бы продолжает этот эпизод весьма популярная сцена стычки Греттира со Снэколлем-берсерком, которому он выломал челюсть. Сага отмечает: «Тогда часто бывало в Норвегии, что лесные бродяги выходили из лесов». Видимо, действительно борьба с подобными отрядами была чрезвычайно актуальной. Сага особо оговаривает, что члены этих шаек, как и их руководители, были обыкновенными бондами, т. е. не имели какого-то особого социального преимущества, не были конунгами или ярлами (аристократами). Да и в тех «классических» дружинах, которыми предводительствовали конунги, влияние последних было достаточно ограниченным, заметное место в дружинах занимали заслуженные самостоятельные воины. Таким образом, дружина викингов представляет собой первооснову и первичную организационную структуру социально подвижной части общества Скандинавии догосударственной и протогосударственной эпохи, единый и самодовлеющий организм с достаточно устойчивой и слабо стратифицированной (что повышало устойчивость) внутренней структурой и обновляющимся составом. Причем дружина «морского конунга» и шайка берсерков могут выступать как явления сопоставимые – имеющие общие источники происхождения, хотя и преследующие различные цели. Представляется продуктивной оценка дружины викингов с точки зрения критериев социальной психологии. Она выступает как классический образец так называемой малой группы. Количественный состав мог очень существенно варьироваться. Здесь и классические двенадцать берсерков, восходящие к мифологическим вождям Асгарда (обители богов-асов), и упоминаемые в сагах команды в двадцать, тридцать, шестьдесят или сто человек. «Сага о Хальвдане Черном» упоминает отряд из тридцати человек под предводительством берсерка Хаки; другой вождь, Харек, возглавлял команду в сто человек. Бурное время Гаральда (Харальда) Прекрасноволосого оставило немало свидетельств о численном составе дружин. Хаки сын Гандальва ходил на Вестфольд с тремя сотнями воинов. Хаук Длинные Чулки возглавлял команду из тридцати бойцов. Популярный метод расправы с врагами – сожжение в доме вместе с дружиной – также оставил по себе свидетельства о количестве этих неудачников: в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» упомянуты количественные характеристики по крайней мере двух таких незадачливых отрядов. Ренгвальда ярла сожгли в компании шестьдесят дружинников, другой конунг в пламени увел с собой в Валгаллу чуть меньше – девяносто – воинов. Примерно столетием

позже, при Олафе Трюгвассоне (Олаве сыне Трюгви), находим упоминание о Хаконе, который предводительствовал отрядом из тридцати человек, причем все верхом (трудно сказать, веление ли это времени, – все-таки рубеж XI в., – специфика воинов из какой-то конкретной местности, либо просто особенность конкретной ситуации) («Сага об Олафе сыне Трюгви», III). Этот микросоциум был пронизан многочисленными связями межличностного порядка (фелаги) и подчиненности конунгу; возникали линии, скрепляющие его не только по вертикали, но и по горизонтали. Создавалась структура маргинальной группы по типу группы криминальной. Сходство усиливалось противостоянием всех вместе основному населению, – естественно, враждебно настроенному, в отличие от пользовавшихся благами заморских походов членов родов и семей «классических» викингов. Разумеется, прохладные оценки викингов со стороны мирного населения, регулярно отмечаемые в сагах, относились именно к первой категории. Маргинализировалось и самосознание. В пользу этого свидетельствует и весьма убедительная, на наш взгляд, этимология слова «викинг», выводимая из глагола «викья (vikja)» – «поворачивать, отклоняться». Само «рекрутирование» осуществлялось в силу притягательности образа викинга как такового (дружина, с точки зрения критериев социальной психологии, – тип референтной группы – группы, в которой престижно состоять). Бытование в вендельскую эпоху и позднее обильного тотемистического материала (вепри-кабаны и хищные птицы на оружии и т. д.), маркирует наличие определенных воинских союзов. Распространение в дружинной среде культов Одина и особенно Тора; восторженный пафос и само содержание скальдической поэзии, воспевающей культ битвы как таковой; специфичность воздаяния в мире ином в форме весьма своеобразного роскошно-казарменного блаженства в Валгалле, недоступного не-воинам, – все это демонстрирует сложение определенного, во многом тупикового, ответвления норм родовой морали в форме дружинной идеологии. Скандинавия эпохи викингов представляла собой уникальный регион, характеризующийся крайним и наиболее полным воплощением заложенных в германском языческом варварском обществе потенциальных возможностей. Это то, чем могла стать и не стала германская Европа, «сбитая с пути истинного» слишком близким знакомством с Римом и христианизацией. Оттого Скандинавия для нас – своего рода увеличительное стекло, при аккуратном обращении позволяющее исследовать, в частности, дружинный быт и дружинную идеологию предшествующей поры с высокой степенью достоверности, «выпячивающее» тенденции, слабо различимые по ранним источникам. Следует отметить, что в стадильно близких обществах Европы, переживавших тот же этап развития – в рамках так называемой Балтийской цивилизации, среди финских и балгских племен, на Руси, возможно и в Польше – формировались сходные формы дружин. Причем скандинавские дружины были именно образцом для подражания – как наиболее эффективные в своем роде примеры. По их образу и подобию сбивались команды из жадной до воинских новшеств молодежи и опытных воинов в сопредельных со Скандинавией странах, их оружием, – частью приобретенным, частью скопированным, – они вооружались. Идеологическим катализатором данного процесса были особенности воинской психологии, архетип которой не претерпевал принципиальных изменений с течением тысячелетий. Основная ее черта – переплетение на первый взгляд взаимоисключающих тенденций: с одной стороны – обостренной тяги ко всем новшествам оружейного, тактического и стратегического плана; с другой же – чрезвычайного консерватизма многих ценностных и поведенческих характеристик, длительное и устойчивое бытование суеверий (пограничные состояния психики в современных воинских коллективах, острое переживание суеверий, преимущественно в группе риска (пилоты, десантники, танкисты, подводники и т. д.)). Известно, что свободные самоорганизующиеся дружины викингов частью поглощаются, частью истребляются усиливающимися гирдами-гридами скандинавских конунгов, претендующих на единодержавный трон. Судя по всему, эти отряды, базировавшиеся либо на островах, либо на устраивавших их точках страны, не угрожали напрямую власти алчущих единодержавия конунгов, но отбирали у них часть потенциальной добычи, взимая ее

методом откровенно «догосударственным» и в свою пользу. Да, к тому же они явно дестабилизировали обстановку, ибо при всей своей постоянной боеготовности бонды все же высоко ценили мир и покой, а, соответственно, и владетель, оный мир устанавливающий, имел шансы на успех у населения. Таким образом, основой и главной движущей силой грабительских, завоевательных и отчасти торговых походов скандинавов стала дружина викингов – чрезвычайно эффективная (а в рамках раннего Средневековья – максимально эффективная) форма воинского добровольческого профессионального объединения, бытующая в двух основных вариантах: 1) частично оторванный от традиционной родовой структуры отряд под руководством конунга-короля (морского конунга, морского короля) и 2) полностью маргинализированный воинский коллектив по типу бандформирования. В Северной Европе раннего Средневековья этот стадийный институт позднего родового и раннего государственного общества достиг своего апогея, приобретая законченные и во многом рафинированные формы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.